

ВИТАЛИЙ ВИКТОРОВИЧ ПЕНСКОЙ

*кандидат исторических наук, доцент
(Белгород),*

*доцент кафедры христианской истории и антропологии
Белгородского государственного университета*

Юрий Крижанич и зарождение русской военной теории на рубеже Средневековья и Нового времени

Конец Средневековья – начало Нового времени ознаменовалось коренным переворотом в европейском военном деле. Этот переворот, выразившийся в рождении новой тактики и стратегии, был связан прежде всего с широчайшим распространением пороха и огнестрельного оружия и в зарубежной историографии получил наименование «военной революции». Основные признаки этой военной революции заключались в следующем: 1) холодное оружие отошло на второй план и превратилось во вспомогательное, исход войны решался теперь массированным применением огнестрельного оружия; 2) новое оружие привело к созданию линейной тактики, способной максимально эффективно использовать преимущества мушкетов и артиллерии; 3) пехота в качестве главного рода войск вытеснила кавалерию; 4) средневековые милиции и наемники были заменены значительно выросшими в числе постоянными армиями, главное отличие которых от средневековых ополчений – это и регулярная, каждодневная муштра, и полное содержание за счет государства. Это же относится и к военно-морскому флоту; 5) подъем фортификационного искусства на качественно иной уровень, выразившийся в создании и совершенствовании бастионных крепостей; 6) превращение военного дела из искусства в науку, что выразилось в рождении военной теории и системы военного образования; 7) изменение характера войн – войны стали более разорительными, опустошительными и обезличенными.

Естественно, что эти перемены, кардинально изменившие облик войны и военного дела, не могли не остаться незамеченными в России, которая с конца XV в. стремилась добиться достойного места среди великих держав той эпохи. Стать великой державой не на словах, а на деле тогда, да и сейчас тоже, можно было только одним способом – не отставать в развитии вооруженных сил. Если Россия хотела, чтобы с ней считались ее соседи, она была просто обязана перенять основные составные компоненты военной революции.

Пристальное, непредвзятое изучение истории развития русского военного дела на рубеже Средневековья и Нового времени показывает, что в Москве внимательно следили за теми изменениями в военной технике, технологиях и в тактике, что имели место в описываемый период как на Западе, так и на Востоке, и старались как можно быстрее внедрить их в свою военную практику. Так было с артиллерией, с ручным огнестрельным оружием, с элементами новой фортификации и даже с линейной тактикой – достаточно указать на опыт внедрения тактических принципов голландской военной школы, основателем которой считается принц Мориц Оранский, отец линейной тактики, в годы Смуты¹.

Естественно, что активный процесс перенимания военных новинок требовал и соответствующего уровня теоретического обобщения накопленного опыта их использования, с тем чтобы применять их с наибольшей эффективностью и отбирать только те из них, которые могли принести действительную пользу для русской армии и России. Ведь не секрет, что условия, в которых приходилось действовать русским

войскам, серьезно отличались от тех, в которых приходилось сражаться тем же голландцам, шведам или испанцам. Степь, откуда непрерывно накатывались волны нашествий кочевников, и огромная по протяженности (в сравнении с западноевропейскими) граница с Великим княжеством Литовским – вот те театры военных действий, на которых приходилось действовать русским полкам. Между тем оба ТВД были совершенно разными как по природным условиям, так и по характеру противника.

Все это требовало тщательного отбора новинок, а следовательно, и развития военной теории как одного из важнейших компонентов военной революции. Однако здесь в России возникли определенные проблемы. Если на Западе первые попытки обобщить опыт ведения войны в новых условиях были сделаны в начале XVI в.², то в России в силу ряда как объективных, так и субъективных причин первые попытки создания новой военной теории были предприняты спустя почти столетие, опять же в годы Смуты, когда дьяк Онисим Михайлов, сын Радишевский, по требованию Лжедмитрия I начал работу над первой теоретической работой, обобщающей опыт применения огнестрельного оружия как в России, так и за ее пределами: знаменитый «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки»³. Следующим шагом на этом пути стал изданный в 1647 г. устав «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». Судя по введению, эта книга должна была стать первой частью обширного свода по военной теории 1-й половины XVII в.⁴

Однако все эти работы, равно как и ряд рукописных наставлений и записок, составленных примерно в то же время иностранными офицерами на службе русского царя⁵, представляли собой переложение западноевропейского военного опыта без применения его к конкретным русским условиям. Первым же, кто попытался проанализировать те перемены, которые произошли в русском военном деле с внедрением огнестрельного оружия, был писатель и публицист 2-й половины XVII в. Ю. Крижанич⁶. Хотя в своих размышлениях о России он касался самых разнообразных проблем, тем не менее одним из наиболее важных для него был именно вопрос об особенностях развития русского военного дела в связи с влиянием военного опыта Запада и Востока.

Всем известно его высказывание о том, что «по разну как три народы нам супротивники имают сея крепости. Ляхи бо храбростию, немцы силою, крымцы борзостию, без мала превосмогают наших вояков. Супроть таковых адда пораженным неприятелем, не единым строем оружия, но разными законми бороться есть треба. – Мы пак Русы во всех трех тех крепостях есмо средни. Борзостию превосмогаем немцев; силою крымцев. З ляхми есмь един народ, и норов. В те время превосмогаем ляхов пешими силами, и добрым рядом. А в храбрости не великим делом можем им ея зверстати... В способах ратного дела мы занимаем среднее место между скифами и немцами. Скифы особенно сильны только легким, немцы только тяжелым вооружением: мы же удобно пользуемся тем и другим, и с достаточным успехом можем подражать обоим помянутым народам, хотя и не сравниваемся с ними. Скифов мы превосходим вооружением тяжелым, а легким близко к ним подходим; с немцами же все наоборот»⁷. В нем заключена вся суть концепции Крижанича, пытавшегося найти некий «третий» путь в развитии русского военного дела как нечто среднего между западноевропейским, приспособленным к закрытым, ограниченным по площади и сильно урбанизированным ландшафтам, и слабо заселенным степным южноевропейским, на которых продолжала господствовать конница.

Итак, из чего исходил Крижанич, предлагая свое видение тактики русского войска и характера его вооружения. «Ратное дело есть дело человеческой земной жизни. Оружие должно быть всегда наготове и занятие ратным делом никогда не должно быть отлагаемо. Ибо не было еще ни одного царя столь могущего и счастливого, – писал мыслитель, – который имел бы мир в своей власти: но каждый до тех пор наслаждается миром, покуда наслаждаться им допускает ему сосед его»⁸.

Таким образом, занятие военным делом, его развитие и совершенствование являлось, по мнению Крижанича, одни из важнейших занятий, жизненно необходимых для государства и общества. Однако в этом случае возникал закономерный вопрос, каким образом строить свою армию, на кого ориентироваться в этом вопросе?

Главным неприятелем для русских Крижанич полагал татар и, учитывая особенности степного ТВД и татарской тактики, резко отрицательно высказывался против заимствования «немецкой» тактики и вооружения как непригодных для войны со столь подвижным и маневренным неприятелем⁹. Оружие и тактика войск должны соответствовать национальному характеру воинов, их природе и тем условиям, в которых они должны будут сражаться. Наиболее же близкими по духу русским были «ляхи», которые, как указывал, Крижанич, «много раз достойно бились с немцами, ибо они имели легкую конницу, казаков и татар, а вместе с нею тяжелую конницу – своих гусар, а у немцев нет ни того, ни другого строя»¹⁰. И, продолжая свою мысль, он писал, что «то, от чего мы ждем силы, больше всего несет нам гибель: это – полковники и учителя немецкие и помощь шведская. С Божьей милостью с русским [военным] строем была взята Казань, Астрахань и Сибирь. А с немецким строем (если вовремя не опомниться), легко можно лишиться этих земель...»¹¹

Какой же выход предлагал Крижанич из этого положения? Поскольку у русских были разные противники, то он советовал «..создать разные рода или строи войска и выяснить, какие строи [войска] существуют у неприятелей, с которыми мы воюем, и в чем они искусны, и против этого выставлять свои строи...»¹² Полученный при их создании и использовании опыт необходимо было обобщить, и в случае войны с определенным противником «увеличивать тот строй, который окажется потребным...»¹³

Главным же образцом для подражания должны были стать родственные русским «ляхи» и их военные учреждения. «Будем соперничать красивым, полезным, истинно воинским способом и учреждением нашего ратного дела и вооружения; проворством конницы; превосходством оружия; именно отрядами конницы, – советовал Крижанич, – устроенной самым лучшим способом по образцу гусаров и козаков, с копьями, панцырями, ручницами, журавлиными, а не страусовыми, перьями, с луками и стрелами. Не строи немецкие, а строи гусарские и козацкие стяжали бы нашему народу блеск и добрую славу. А пехотные рати пусть будут снабжены одне – мушкетами, другие длинными луками и стрелами...»¹⁴ Общий же вывод, который делал Крижанич, заключался в следующем: «Вся храбрость и все воинские доблести не даны от природы, а зависят от старания, от умения, от длительного обучения, а больше всего от хорошего правления...»¹⁵

В определенной степени Юрий Крижанич был прав в своих советах, поскольку на то время, когда им писались его философские труды, т.е. на 50–60-е гг. XVII в., польско-литовская военная система достигла пределов своего совершенства и в Восточной и Юго-Восточной Европе практически не имела себе равных. И, хотя его трактат так и остался практически неизвестным и дошел до читателей практически спустя два столетия после его написания, тем не менее его рассуждения в известной степени совпали с мыслями русских воевод и самого Алексея Михайловича. Почему в известной – потому, что Алексей Михайлович и его помощники и советники не смогли полностью отрешиться от типичной, по мнению Крижанича, славянской болезни, «чужебесия» и отказаться от помощи «немецких» военных советников¹⁶. В этом плане Крижанича можно считать «просвещенным» консерватором, в отличие от консерватора «непросвещенного», «пещерного», каким был, например, протопоп Аввакум.

Вместе с тем нельзя не отметить тот факт, что русская армия во 2-й половине XVII в. представляла собой весьма причудливый и вместе с тем достаточно эффективный симбиоз как «немецкой», так и «ляшской» и «русской» военных школ. Ее замечательное описание оставил русский посол в Венеции И.И. Чемоданов в 1656 г. В беседе с герцогом Козимо

Медичи он сказал «У великого государя нашего, у его царского величества, против его государских недругов рать собирается многая и несчетная, и строенье многое, различными ученьи и строеньем: перво, устроены многие тысячи копейных рот, гусарского строю; а иныя многия тысячи устроены конныя с огненным боем, рейтарского строю; а иныя многияж тысячи устроены драгунским строем, с большими мушкеты; а иныя многие тысячи устроены салдатским строем: и над теми надо всеми устроены начальные люди: генералы, и полковники, и подполковники, и мойоры, и всякие начальные люди по чинам. А низовая сила, казанская, и астраханская, и сибирская, и иных многих государств, его царского величества, собирается многая несчетная рать, и бьются конныя лучшим боем; а большаго и меньшаго Нагаю татарове и башкирцы и калмыки бьются лучшим же боем: и стрельцов московских устроено на Москве сорок тысяч, опричь городовых; а бой у них салдатского строенья. А донские и терские и яицкие козаки бьются огненным боем и запорожские черкасы бьются лучшим и огненным боем. А государевых городов дворяне, и дети боярские, и всяких чинов люди, те бьются розным обычаем, лучшим и огненным боем, и кто к которому бою навычен. А его царского величества, его государева полку спальники, и стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и жильцы, те бьются своим обычаем; только у них бою, что под ними аргамаки резвы, да сабли у них востры: на которое место не приедут, никакие полки против их нестоят; то у великого государя нашего и строенье...»¹⁷

¹ Об этом см.: *Пенской В.В.* Попытка военных реформ в России начала XVII века // *Вопр. истории.* 2003. № 11. С. 127–138.

² См., например, трактат Н. Макиавелли «О военном искусстве». Эта работа, написанная в 1519 г., стала едва ли не первой попыткой обобщения новинок в военной теории и практике, накопившихся со времен окончания Столетней войны и обусловленных широким распространением огнестрельного оружия.

³ См.: *Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX веков.* М., 1969. С. 217.

⁴ *Учение и хитрость ратного строения пехотных людей.* СПб., 1904. С. 3–4.

⁵ Например, наставление по обучению солдат полковника И. фон Бокховена и записка полковника А. Крафферта. См. соответственно: Перевод с галансково письма, что подал боярину Илье Даниловичу Милославскому рейтарского строю полковник Исаак фан Буковен, как всяких чинов урядников воспросить про ратное ученье, что всякому уряднику в ратном строе подобает ведать. И против тех воспросов – ответ // РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. № 875. Л. 227, 229–233, 244. Опубликовано в: *РА. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.* М., 1995. Т. VI. С. 7–9; *Акты Московского государства.* СПб., 1894. Т. II. С. 335–336.

⁶ См.: *Крижанич Ю.* Политика. М., 1997; *Он же.* Русское государство во 2-й половине XVII века. М., 1859–1860. Т. 1–2.

⁷ *Он же.* Русское государство во 2-й половине XVII века. М., 1860. Ч. II. С. 124, 168.

⁸ Там же. С. 81.

⁹ Там же. С. 160, 197; *Он же.* Политика. С. 97, 100, 109, 114, 116, 125 и др.

¹⁰ *Он же.* Политика. С. 99.

¹¹ Там же. С. 197.

¹² Там же. С. 100.

¹³ Там же. С. 99.

¹⁴ *Он же.* Русское государство во 2-й половине XVII века. Ч. II. С. 167–168.

¹⁵ *Он же.* Политика. С. 109.

¹⁶ *Он же.* Русское государство во 2-й половине XVII века. Ч. II. С. 281.

¹⁷ *Древняя российская вивлиофика.* М., 1789. Ч. VIII. С. 192–193.